

19. 05. 99

Миронов Евгений

Коммент всегда прав, 1999, № 19, с. 15

26, 27, 28 мая на манеже Московского цирка Ю. Никулина на Цветном бульваре будут играть «Гамлета» в постановке Петра Штайна. С исполнителем главной роли в спектакле **ЕВГЕНИЕМ МИРОНОВЫМ** беседовала наш корреспондент Алена Пустовит.

ГАМЛЕТ ИЗ САРАТОВА

КОРР.: Москва заинтригована. По всему городу развешены необычные афиши — Миронов-Гамлет в маске для фехтования и с саксофоном. Петер Штайн поставил авангардный спектакль?

Е.М.: Штайн — мастер классической постановки. Когда он ставил «Три сестры», И.М. Смоктуновский вышел на сцену со словами: «Спасибо, что научили нас играть Чехова». Некоторые восприняли Гамлета с саксофоном как шаг в сторону авангарда. Штайн впервые позволил себе постановку практически без декораций. Голый ринг, на этом ринге без какого-то особого режиссерского решения идет Шекспир, и идет, как мне кажется, почти в том виде, как это задумывал сам автор. А потому для меня это традиционный спектакль.

КОРР.: Как вы «стали» Гамлетом?

Е.М.: С режиссером Петером Штайном мы и раньше работали вместе. В его постановке «Орестей»

я играл главную роль — роль Ореста, древнегреческого героя. А роль Гамлета Петер мне предложил после просмотра спектакля, где я играл Ивана Карамазова. Он, бедный, не понимал ни слова по-русски, но видно что-то в моей игре его «зацепило». Он подошел ко мне после спектакля и спросил: «Женя, как ты отнесешься, если я поставлю Гамлета?» Ну как я мог отнестись к такому предложению? Как к судьбе!

КОРР.: Вы ощущаете себя Гамлетом в жизни?

Е.М.: Я не Гамлет, я — артист, исполняющий роль Гамлета. Я его очень четко представляю и хорошо понимаю. Он не похож на меня. Во-первых, он — принц, а я — из Саратова. Я достаточно провинциален, и, как говорит мой учитель Олег Табаков, «я этого и не скрываю». Многие качества, заложенные родителями, сохранились во мне благода-

ходящем вокруг. И месть он рассматривает через призму всего мира. Вот это и есть гениальная придумка Шекспира, а не просто история про то, как мальчик мстит за своего папу.

КОРР.: Вы сразу поняли и приняли эту роль, сразу почувствовали ее «своей»?

Е.М.: Конечно, ничего сразу не бывает. Но впервые в жизни я по-новому работал над ролью. Я ничего

не искал, а просто отсекал все ненужное. Вот такой костюм не пойдет, такие очки не пойдут, такая походка не пойдет. Конечно, это плод совместных с Петером усилий.

КОРР.: А режиссер реагировал на эти ваши «отсечения»?

Е.М.: Он мне ничего не навязывал, и я ему — ничего. Хотя бывало, мы с ним ругались и, надо сказать, я вел себя просто nepозволительно. Работая над «Орестеей», я такого себе не позволял, а тут обнаглел.

КОРР.: И в чем это выражалось?

Е.М.: Я позволял себе спорить и не соглашаться. Если раньше было: «великий Штайн сказал, я так и сделаю», то здесь я иногда просто выводил его из себя. Но он меня прекрасно понимал, мирился и терпел, хотя чаще оказывался прав именно Петер, а не я. Надо отдать Штайну должное, он не был диктатором в этом спектакле.

КОРР.: В чем разошлись ваши со Штайном трактовки роли?

Е.М.: Например, Петер хотел, чтобы Гамлет все время изменялся, постоянно, каждую секунду, был бы другим человеком. И сначала я не соглашался с этим. А оказалось, что это не Штайн, это Шекспир так придумал и написал. Мы с Петером сели и разгадали его идею, как кроссворд. Потом оставалось только идти по этим лабиринтам, меняясь с каждым поворотом. Сегодня я очень благодарен Штайну за проявленное терпение. Он мудро ждал,

чтобы Гамлет все время изменялся, постоянно, каждую секунду, был бы другим человеком. И сначала я не соглашался с этим. А оказалось, что это не Штайн, это Шекспир так придумал и написал. Мы с Петером сели и разгадали его идею, как кроссворд. Потом оставалось только идти по этим лабиринтам, меняясь с каждым поворотом. Сегодня я очень благодарен Штайну за проявленное терпение. Он мудро ждал,

когда я пойму его правоту. Так в конце концов и случилось.

КОРР.: А в чем вам удалось убедить Штайна?

Е.М.: В сцене смерти Гамлета он вдруг стал демонстрировать знаменитую немецкую школу трюков. А техническая немецкая, да и не только немецкая, вообще западная школа потрясает тем, что актеры падают, ничего себе не ломая, у них даже синяков не остается. Они это делают блестяще, как настоящие профессионалы. Мы так не умеем, мы падаем с синяками, но зато по-настоящему. И мне показалось, что такие технические кульбиты и падения противоречат тому, к чему мы пришли раньше. И я настоял на своем. В результате мы умираем по-русски!!!

КОРР.: А почему Гамлет с саксофоном, а не со скрипкой, например?

Е.М.: Во-первых, это очень сексуально. Во-вторых, нужен был какой-то предмет, да нет, товарищ, который в момент одиночества остается с Гамлетом. Это не персонаж. Во время монологов должно быть что-то, что помогает Гамлету их произносить. У нас это саксофон, у Высоцкого когда-то была гитара.

КОРР.: Саксофон как действующее лицо?

Е.М.: Именно, часть монологов произносится с помощью саксофона, произносится как бы саксофоном.

КОРР.: Какая музыка используется в спектакле?

Е.М.: Есть темы из «Битлз», есть блюзовые вариации, есть и другие. А если говорить именно о соло, о «монолог на саксофоне», тут особая история. Когда-то Андрей Тарковский ставил в Ленком «Гамлета». Он долго искал музыкальное оформление и нашел несколько мелодий, в том числе и ту, что я играю на саксофоне. Это средневековая мелодия на библейские темы. Она не вошла в спектакль Тарковского, но сохранилась у композитора Эдуарда Артемьева. И эта мелодия звучит как связь с Тарковским и его «Гамлетом».

КОРР.: Раньше Вам доводилось играть на саксофоне?

Е.М.: Никогда в жизни! Научился. Я занимался с педагогом и сначала издавал такие звуки... все думали, что это кто-то кричит, что-то случилось. Полгода занятий, ежедневно по полтора часа. Больше не получается — губы устают и немеют. Я очень полюбил саксофон, но, к сожалению, у меня мало времени для занятий, а когда время есть, я лениюсь. Но когда слышу профессиональных саксофонистов, мне невольно, что я «с этим» выхожу на большую сцену

ЗАКАЗ БИЛЕТОВ:
229-77-21
929-70-52
200-05-11